

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Достоевский Федор Михайлович

<Фрагменты>

<...>

Утверждая реакционную, пессимистич. идею якобы извечной двойственности человеческой природы, писатель доказывал, что в человеке, наряду с положительными нравственными стремлениями, будто бы обязательно существует себялюбивое и злое начало. Этот реакционный взгляд впоследствии получил своё развитие в романах Д. <...>

Главные герои Д. в повестях, рассказах и фельетонах 40-х гг. <...> — забитый чиновник, обедневший дворянин, интеллигент-разночинец, далёкий от народа, нередко сжигаемый огнём скрытого честолюбия. Д. отражает психологию этой мелкобуржуазно-мещанской среды, присущие ей духовные блуждания, ужас перед падением старых, патриархальных устоев, а также смутный протест против крепостничества и складывавшихся в России новых, капиталистич. порядков. <...>

Пребывание на каторге оставило неизгладимый след в жизни писателя, усилив его тяжёлую болезнь (эпилепсия). В Сибири завершилось оформление реакционного мировоззрения Д., черты к-рого наметились еще в конце 40-х гг. <...>

Д. вместе со своим старшим братом М. М. Достоевским издавал журналы «Время» (1861–63) и «Эпоха» (1864–65), в к-рых начал выступать против философских и политич. позиций вождя русских революционных демократов 60-х гг. Н. Г. Чернышевского.

Всё дальнейшее творчество и деятельность Д. связаны с его отступничеством от освободительного движения. Д. противопоставляет революционным демократам свою реакционную программу «почвенничества». Признавая народ основой национальной жизни и провозглашая необходимость сближения интеллигенции с «почвой», с народом, Д. в то же время следует в своей теории за учением славянофильства, приписывает русскому народу не свойственный ему характер «смирения» и религиозности, выдвигает в качестве своего «почвенного»

идеала наиболее косные и отсталые черты народного быта того времени. В отличие от революционных демократов, Д. связывал великое будущее России не с революцией и социализмом, а с идеалистич. идеями отказа от борьбы и христианского смирения, к-рое будто бы спасёт народ от нищеты и рабства. <...>

Передовой материалистич. философии Чернышевского, его светлой вере в человека и в грядущее торжество социализма писатель противопоставляет в «Записках из подполья» (1864) порочную идею двойственности человеческой природы, неверие в созидательную силу разума. По словам М. Горького, Д. всегда рисовал человека «беспомощным в хаосе тёмных сил». <...>

Роман «Бесы» (1871–1872) — яростный пасквиль, направленный против русского освободительного движения и ставший знаменем политич. реакции. <...> Д. исказил самый характер русского освободительного движения, приписав ему черты анархического подполья, возникающего в условиях распада деклассированной городской среды и ведущего своих участников к двурушничеству и уголовному преступлению. Передовые люди 40-х и революционеры 60–70-х гг. клеветнически изображены Д. как два звена одной и той же постепенной нравственной «порчи» русского общества. <...>

В 1873 Д. редактировал монархич. журнал «Гражданин», издававшийся реакционным придворным публицистом князем В. П. Мещерским. Здесь появился «Дневник писателя», проникнутый стремлением «оспорить, опрокинуть социализм» (М. Горький). <...>

Следующим романом после «Бесов» был «Подросток» (1875) — на тему об умственных блужданиях юноши, выросшего в «случайном семействе». Свой положительный идеал Д. выразил здесь в образе странника Макара Долгорукого, носителя идеи христианского смирения и мнимой «народной правды». <...>

В последнем романе Д. «Братья Карамазовы» (1879–80) описаны история вырождения дворянской семьи Карамазовых, идейные блуждания оторванной от народа интеллигенции. <...> В образе Ивана писатель снова стремится выразить свою архиреакционную мысль, будто материализм и атеизм лишают личность всякой моральной опоры, ведут её к духовному краху, к преступлению. <...> Носителями моральных идеалов самого Д. являются младший Карамазов — Алёша, воспитанный в монастыре, и его духовный руководитель «старец» Зосима, мечтающий о главенствующей роли православной церкви в обществе. К «Братьям Карамазовым» примыкает по времени написания «Речь о Пушкине» (1880), в к-рой Д. осуждал «гордыню» революционной интеллигенции и призывал её «смириться», «преклониться» перед «народной правдой», отождествляемой с религией, самодержавием,

отречением от борьбы. «Речь о Пушкине» произвела значительное впечатление на часть русского общества; лучшие представители демократического лагеря (напр., Г. Успенский) поняли её глубоко реакционный характер. <...>

Еще при жизни писателя его творчество получило мировую известность. Влияние Д. на последующую литературу было двойственным; если, с одной стороны, прогрессивных писателей разных стран нередко привлекала резкая и острая постановка социальных проблем в романах Д., то с другой — его упадочные, религиозно-мистич. идеи оказали своё влияние на буржуазно-декадентскую литературу Зап. Европы и США эпохи империализма. Период наибольшего влияния Д. на духовную жизнь и литературу господствующих классов царской России падает на годы реакции, наступившей после поражения революции 1905. На Д. стремились опереться идеология, реакция и буржуазно-декадентская литература этого периода, искавшие оправдания для своей борьбы против революции и великих реалистич. традиций русской классич. литературы. В 1913 против взглядов Д. и их идеализации выступил М. Горький. В. И. Ленин, осуждая «архискверное подражание архискверному Достоевскому», выступал против литераторов, к-рые пытались «малевать ужасы, пужать и свое воображение и читателя, “забивать” себя и его» (Соч., 4 изд., т. 35, стр. 107). Признавая художественный талант Д., Горький боролся с его идеями, враждебными революции, и протестовал против всяких попыток их возрождения. Борьбу Горького против реакционных сторон творчества Д. и их канонизации оруженосцами современной зарубежной реакции продолжают советские писатели, советская литературная критика.

